

* * *

День овцы, понедельник, настал.
Только веки раскроешь — и начат
новый век: мириады мгновений
во всех параллельных мирах,
проходящих насквозь.
И кого приносить, как себя,
в жертву богу удачной недели,
воскуря им всем фимиамы,
чтоб слюнки текли
и носы утирали Мардук и Шамаш.

Тише. Тушу ровнее разрежь.
Остается рука, чтоб кадить,
и копытце — чтоб звонче плясалось.

* * *

Мега прохутились. Наполнить речною водою,
глотнуть — и забыться: сильнее вины забытье.
Отправиться в путь. Но, постылой надеждой ведомый,
ты вновь позабудешь в пути очертанье свое.

Зачем бы нам новый завет, если прежний — милее?
Законы творить — что событиям давать имена...
Но Лета мелеет, и русло, и устье — мелеют,
и остовы старых плотин проступают со дна.

Как будто колонны... порталы... куртины... аллеи!
Рванешься, зажмурясь, нырнешь, досчитаешь до ста...
Всё так, как хотел ты, лихую надежду лелея,
но шире, страшнее, щедрее —
ведь боль разлита.

Так царствуй, мой сладкий, мой нежный, мой сон без рассвета,
так здравствуй, забытый, закрытый, заветный залог!
А там, за холмами, откроется новая Лета
и летосчисленье. И снова далек эпилог.

Конец века

В мутной заводи медного лета
солнце темной отравой согрето,
будто флейта в руках стихий.
Только папоротник страшнее —
был гигантом, а стал пигмеем,
да к тому же пророс в стихи.

Ты откуда, зачем, сорняк ведь,
ты, наверное, воля Яхве
иль кого-нибудь помощней..
Что грустишь над своим корытом?
Имя Бога теперь открыто,
И дыханье еще слышней.

Вкруг оси обернув дорогу,
здесь земля для младенца-бога
открывает свои врата.
Приласкав обещаньем майским,
он сожжет нас огнем купальским,
но земля под огнем — не та.

Эта сила невероятна,
пусть уж лучше на солнце пятна,
чем огонь, как вино, зальет
упования и потери.
Веришь? — Шепотом: "Нет, не верю", —
и в бессрочный отбыть полет.

Бог с тобой, Золотая Рыбка!
Сказка — ложь, и качают зыбку
черный ворон да серый волк.
Ах, вздымается гладь морская.
а и бочку на дно пускает
щучий промысел — щелк да щелк...

Памяти отца

Творенье твое — я тобой создана до конца.
Мой образ ты вычитал, вычурный, замкнутый книжник.
Ответь же Оттуда, Где нет ни судьбы, ни лица:
не значит ли жизни зенит — истечение жизни?

Сбылось, состоялось. До точки, до черточки, до...
Надежд не осталось — ведь все воплотились, сбываясь.
Сбываю, кукушкой свое забывая гнездо,
их ветошь и рухлядь — как солнце зенит, избываю.

Вы, девочки-дочки, созданья отцовских голов!
Из чрева Афины бесчисленные канут потомки,
и скажет зеркало богине, что жребий суров:
увяла до срока, — глухие пойдут кривотолки.

Ах-молодость-юность! Кому бы отдать тебя, жизнь?
В сраженья за души чужие тянуло Афины...
Обещанной Вечности мрак показался чужим.
К рассвету отеческий трон оказался низринут.

Незримой виной пролилось молодое вино,
Бряцанье доспехов — помады, и пудры, и туши...
Стареет Река, берега заросли сединой,
и в них отыскать бы на старость местечко посуше,

чтоб было уютно без боли припомнить зенит,
чтоб было слышней за волнами несвежих традиций,
как вечность домашняя тоненькой струйкой звенит,
и падает оземь. Нет, стоило все же родиться.

Пасха

Душа безутешно металась,
Светилась, слепилась, сплелась
Со звоном снежинок подталых,
С тончайшим раденьем тепла.

Пасхальное крошек кружение —
Кольцо под оконным крестом.
Вполне бытовое общенье
С реальным Христом.

Из крошева слепленный, голый —
Награда за труд.
Не бойся, мой маленький голем,
Тебя не распнут.

Кенгуру наизнанку

Ношу с собой всюду.
Даже без кошелька, очков и одежды.
Была женщина, а стала сумка.

164 сантиметра на восемьдесят килограммов.
Будущая мама.

Живет себе внутри,
чувствую, как из него прорастают глазки,
вылезают ручки и даже волосики.
Точка зрения плода на все — изнутри.
А вот и привет наружу:
Чайковский, "Вешние воды", исполняет Юрий Розум.
Прыгает так, что колышутся стулья.

Невозможно думать о жизни, которую на днях из себя
исторгнешь.

Ни слова о главном.
Озаботимся посторонним:
очень кстати
разговоры об осложнениях и родовой горячке,
кстати некрасиво кормят в больничной столовой,
а также
кстати скрипят кровати.

Кто-то к нам идет.

Пять килограммов долой.
Вы точно знаете — именно этот
мой?

А как же, женщина?
Видите, бирочка?
Фамилия ваша?

И вообще он на вас похож
вылитая мама

Это я так выгляжу?

все-таки могли и перепутать
заберу чужого и буду потом всю жизнь
с чужим
а какая разница

вон их сколько
выбирай любого

Любой — мой.
Я — мама.

развозят на длинной такой тележке
выдают
на 15 минут
а можно еще сказать
я спать хочу
и не привезут
то есть отказаться

Орет.
Я ему: "Ч-ч-ч!"
А он
молчит

Доказательство Божия бытия:
здравствуйте. Это я.

Родословная

Ему еще нет и года.
Лежит и сопит в кроватке.
И мы размышляем счастливо,
какие повесим шторы.
А где-то идет в Освенцим
старый-престарый поезд,
и зарывают в землю
мою живую прабабку.

А рядом — чуть дальше места,
где я катаю коляску,
слезы стрельцов утопают
в глазах детей и лошадок.
И мой обедневший прапрадед
внуков своих высылает
в погоню за внучкой, сбежавшей
с сыном дворовой девки.

У памяти вянет венчик —
больно густа подкормка,
и Спас на крови поставлен —
а где же ему стоять-то?
Кровная память кровава.
Любви — на тонкую пленку.
Память таких поколений
зачем моему ребенку?

Москва